

ИЗ ОПЫТА БОРЬБЫ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-е ГОДЫ

Татьяна Владимировна Филоненко¹, Виктор Алексеевич Менжулин²

*Воронежский государственный педагогический университет^{1, 2}
Воронеж, Россия*

¹Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России,
тел.: +7(473) 2550667, e-mail: Filonenkotv@gmail.ru

²Аспирант кафедры истории России,
e-mail: 10051982@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается история борьбы с беспризорностью в Воронежской губернии, которая приняла угрожающие для молодого советского государства масштабы. 1920-е годы прошли под знаком борьбы с детской беспризорностью и вызванными ею побочными социальными явлениями. Кампания по ликвидации беспризорности приобрела политическую окраску, в силу чего была сделана ставка на государственный патронат и в меньшей степени на общественную инициативу, а также сознательность отдельных граждан. Во властных коридорах и на различного рода съездах шли дискуссии о методах работы с оставшимися без попечения взрослых подростками, вследствие чего были вызваны к жизни многочисленные специализированные учреждения – приёмники-распределители, ночлежки, детские дома, трудовые колонии. Перманентность и острота проблемы потребовала принятия кардинальных мер со стороны властей. В результате осуществлённых мероприятий удалось значительно снизить градус социальной напряжённости в обществе, хотя окончательно искоренить это явление не удалось.

Ключевые слова: беспризорность, безнадзорность, Советская Россия, гражданская война, детская преступность, патронат, детский дом, трудовая колония.

Для цитирования: Филоненко Т. В., Менжулин В. А. Из опыта борьбы с детской беспризорностью в Воронежской губернии в 1920-е годы // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. № 4. С. 147–152. DOI 10.47438/2309-7078_2020_4_147.

Введение

В первой половине 1920-х гг. Россию накрыла волна детской беспризорности, сравнимая по своим масштабам с всенародным бедствием и национальной катастрофой. Её причины коренились в происшедших в стране и за её пределами геополитических и социально-политических потрясениях, о чём уже неоднократно говорилось в отечественной исторической литературе. Беспризорные дети оказывались чрезвычайно тяжёлых условиях, представлявших прямую угрозу их жизни, подрывавших физическое и психологическое здоровье, затруднявших дальнейшую социализацию. Исторический опыт преодоления детской беспризорности представляет значительный интерес и является предметом изучения в данной статье.

Результаты

После революционных событий 1917 г. наибольшая численность беспризорных детей отмечалась в Москве, Казани, Саратове, ряде других регионов, охваченные неурожаем. Спасаясь от голода, массы беспризорников устремлялись на Урал, Юг России, в том числе в Воронежскую губернию, по своему географическому положению непосредственно примыкавшую к пострадавшему от неурожая Поволжью. В Москве весной 1921 г. «голодного ребёнка Поволжья можно было встретить на каждом шагу, в особенности на вокзалах, где они занимались или попрошайничеством, или кражами» [1, с. 48]. Губернский Воронеж также относился к чис-

лу городов, где размещались беспризорники из голодающих губерний Поволжья. Кроме того, высокий уровень детской беспризорности отмечался в Острогжске, в уезде которого в 1921 г. наблюдался сильный неурожай, и Валуйках, как одном из железнодорожных узлов, что свидетельствовало о широкой волне странствующих беспризорных детей. Через несколько лет советскими докторами будет подмечено, что «любовь к передвижению и ненависть к закрытому дому, как бы он прекрасно не был обставлен», стала «важной чертой в психике таких “бродяжек”» [1, с. 56]. Возможно, так оно и было, что, впрочем, не отменяет того обстоятельства, что толпы первых устремившихся в другие регионы беспризорников делали это вовсе не из любви к странствиям, а в надежде элементарно добыть пропитание и не умереть с голоду. Русская советская литература 1920–1930-х гг. изобиловала подобными примерами [2].

Сведения о численности беспризорников в 1920-е гг., как и в последующий период, отличаются противоречивостью и грешат неточностью, поскольку отсутствовала специальная структура, ответственная за сбор такого рода данных, не было четких критерии отнесения детей к категории безработных. К началу 1922 г., по современным оценкам, в стране насчитывалось 7 млн беспризорников. Ими оказались в первую очередь дети рабочих и бедных крестьян, отправившихся на заработки в город [3, с. 160]. Сведения официальной статистики существенным образом отличаются в сторону уменьшения. Всесоюзная перепись населения

1926 г. зафиксировала в городах РСФСР 75 тыс. беспризорников, но А.А. Славко считает, что переписью не было охвачено даже половины беспризорников, которые постоянно перемещались, избегали встреч с официальными лицами [3, с. 161].

Беспризорность после Первой мировой войны стала международным явлением и не была присуща исключительно молодой советской республике. Но боролись с ней везде по-разному. В Западной Европе и США (как и в дореволюционной России) проблему пытались решить с помощью организации семейного воспитания и общественной благотворительности. После 1917 г. на первый план стало выдвигаться социальное воспитание детей и установление опеки над ними со стороны государства. «Забота о жизни и здоровье детей как обязательство государства впервые была признана советской властью», вырвавшей её «из рук частной благотворительности, филантропии» [1, с. 36], – утверждалось в докладе комиссии ВЦИК по улучшению жизни детей в апреле 1921 г. Борьба с беспризорностью в РСФСР стала приобретать политическую окраску, поскольку большевики стремились не допустить спасения детей «классово чуждыми» руками [4, с. 134; 5].

Уже с июня 1918 г. в Воронеже стали создаваться органы и учреждения, которым предстояло организовать социальное воспитание детей и опеку над ними. Руководство всей этой многоаспектной работой возлагалось на губернский отдел народного образования (ГубОНО). Кроме того, разворачивалась деятельность подотдела охраны детства Наркомата социального обеспечения, который должен был наладить работу имеющихся заведений детского призора. На месте прежних «приютов» организовывались детские дома, в которых надлежало выдавать детям одежду и пищу, при необходимости оказывать медицинскую помощь, осуществлять воспитательные мероприятия [8, с. 204].

Нарастающие темпы беспризорности в начале 1920-х гг. и отсутствие общественных организаций, борющихся с нею, обострили ситуацию и потребовали принятия кардинальных мер. Проблемы беспризорности и порождённой ею детской преступности вызывали обеспокоенность высшего руководства страны. Об этих социальных болезнях заговорили открыто. Как гласил один из официальных документов того времени, «нужно вопрос поставить ребром и бросить на него всё, что есть, чтобы спасти подрастающее поколение от вымирания. Ещё раз подчёркивается, что речь идёт не о каких-либо “улучшениях”, представлении особых благ, а о спасении» [1, с. 39].

Созданный впопыхах в годы Гражданской войны особый чрезвычайный орган – Совет защиты детей (1919) – не смог справиться с поставленными задачами. Поэтому при ВЦИК осенью 1921 г. была сформирована Комиссия по улучшению жизни детей (председатель Ф.Э. Дзержинский). На местах разворачивали работу уполномоченные ВЦИК по улучшению жизни детей и детские комиссии. Использовались сначала преимущественно командные методы, а с переходом к новой экономической политике стали прибегать к аренде торговых заведений, вступлению детских домов в кооперативы, организации подсобных хозяйств [4, с. 135].

В Воронежской губернии проблема детской беспризорности обостряется, как и в целом по всей стране, на закате Гражданской войны. К 1921 г. в регионе насчитывалось уже 6 тыс. беспризорников

[6, л. 5]. Однако точную цифру беспризорников, как уже отмечалось выше, в силу разных причин установить было затруднительно. Так, в марте 1924 г. в очередной раз была поставлена задача «провести точный учёт беспризорных несовершеннолетних по Воронежу под руководством отделения СПОН и ГубОНО при помощи временной дружины из 30 человек-представителей: 8 от Женотдела, 8 от РКСМ, 7 от Педфака ВГУ и 7 от Рабфака» [7, л. 1].

Непосредственно с беспризорными детьми и подростками должны были работать приёмники-распределители, в которые беспризорники попадали первоначально, и детские дома, в которые они были направлены. В приёмнике-распределителе беспризорник мог оказаться по направлениям государственных структур, заявлениям домового комитета бедноты, родственников ребёнка и даже собственных родителей, которые, как указывалось, «не могли спокойно смотреть, как голодной смертью умирали их дети» [9, л. 59]. Однако уже довольно скоро такой порядок привёл к переполнению детдомов, содержание которых становилось государству не под силу. Беспризорность приобрела чрезвычайно массовый характер, в детских заведениях наблюдался избыток детей, помещения пребывали в антисанитарном состоянии.

С переводом в 1923 г. детских учреждений на содержание местного бюджета количество детдомов стало резко сокращаться, как и численность детей в них. Из-за недостатка финансирования насущной стала проблема разгрузки детских домов за счёт создания ночлежек и дневных мастерских. Детские учреждения тех лет выглядели весьма печально. Технический персонал в сложившихся условиях зачастую отказывался работать. Детский дом им. А.И. Герцена (ул. К. Маркса, 18) с октября 1919 г. по январь 1920 г. не мог найти на работу дворника. Приходилось самим воспитанникам подметать двор, рубить дрова, привозить продукты и воду. Все это оставляло мало времени на посещение учебных занятий. При этом следует учесть, что из ста воспитанников в этом детском доме было лишь 5 девочек, большинство мальчиков 10–14-летнего возраста имело дурные наклонности, оказывали негативное влияние на своих товарищей. Бывшие беспризорники, когда попадали в детский дом и получали положенное им «обмундирование», нередко с вещами исчезали в неизвестном направлении. На одного воспитанника детского дома советская власть в 1920 г. выделяла 1 рубашку, 1 простынь, 1 шинель, 1 куртку, 3 пары брюк, 2 полотенца. Случались кражи продуктов из детского дома, вещей у воспитателей, с последующей продажей на городском рынке [10, л. 3–6].

Несколько лет спустя ситуация оставалась прежней. В ноябре 1925 г. представитель Деткомиссии Бурутин отмечал, что комиссия не имеет ни ночлежки, ни приёмника, она лишь собирает средства и распределяет их по соответствующим учреждениям. Парирюя критику в свой адрес об отсутствии, например, стёкол в детских домах, чиновник утверждал, что их приходилось вставлять уже трижды, однако «ребята настолько плохо себя держат, что бежит милиция, справиться обслуживающему персоналу нет никакой возможности». Также выделили 80 комплектов постельных принадлежностей, но «это приёмником не выдаётся из боязни, что дети всё немедленно распродадут» [11, л. 9].

Таким образом, в 1920-е гг. именно в детских домах беспризорники получали основную социаль-

ную помощь и реабилитацию. В работе детских домов отмечались многочисленные трудности: слабое финансирование, чрезмерная численность и плохие условия содержания воспитанников, недостаток и текучесть педагогических кадров, бюрократические проволочки в управлении. Подобрать штаты было задачей затруднительной: «Специалистов нет, да они и не идут из-за низкого уровня зарплаты» [7, л. 9], – сетовал один из чиновников. И всё же более весомым видится не столько материальный, сколько психологический аспект – работать с трудными подростками, активно пополнявшими ряды правонарушителей, было под силу немногим.

Вопросами подготовки педагогических кадров занимался губернский отдел народного образования, который время от времени вносил коррективы в план подготовки учителей. В 1924 г. было отмечено, что преподавание общественных дисциплин (политическая экономия, советская конституция и др.) на трёхгодичных педагогических курсах поставлено слабо, из-за чего «партийная работа на курсах совершенно отсутствует». Вместе с тем «учитель должен принести в школу не только знания, – утверждалось в циркуляре ГубОНО всем уездным комитетам партии, – но также и коммунистическое влияние как на детей, так и на взрослых, и таким образом должен явиться проводником коммунистической идеи в деревне» [11, л. 8].

Положение в деревне действительно было далёким от идеала. «Сёла Нижнедевицкого уезда производят тяжёлое впечатление, особенно в культурном отношении, – отмечалось в одном из обзоров. – Встречаются женщины, сохранившие чуть ли не первобытное одеяние, с коронками на головах. Глушь невероятная, грязно до невозможности живут» [11, л. 6]. А ведь этим людям доверяли детей, когда в результате недородов середины 1920-х гг. беспризорниками в губернии стали 13 тыс. человек. Их разместили «по крестьянским семьям с выдачей пособия из комиссии товарища Рыкова по 3 руб. ежемесячно на каждого работника» [11, л. 3]. В связи с этим некоторые деятели выступали за создание для беспризорников заведений закрытого типа (или организованных по принципу «закрытых дверей»). Доктор Гурко, работавшая в губернской комиссии по борьбе с несовершеннолетними нарушителями, утверждала, что ранее существовавший «принцип “открытых дверей” принёс только вред», поскольку приводил к тесному общению «с бандитами, в результате чего из детей получался такой элемент, который только и мог сказать “час да мой” – дебоши и скандалы каждую минуту. Дом “Толстого” терроризировал местное население» [11, л. 3].

На протяжении осени 1925 г. в Воронеже под председательством губернского прокурора Н.Я. Нехамкина состоялось несколько заседаний губернского совещания по борьбе с преступностью, материалы которых «во всём блеске» проиллюстрировали состояние беспризорности и детской преступности в регионе. По официальным данным правоохранительных органов, преступность в Воронежской губернии росла год от года. При этом, сравнивая характер правонарушений за 1924 и 1925 гг., отмечалось, что преступления 1924 г. «в большинстве своём определялись голодом и другими условиями, вследствие которых значительная доля этих преступлений падала на крестьянское население» [11, л. 2 об.]. В 1925 г. с улучшением экономического положения преступления начали отличаться слож-

ностью и по своему существу стали совершенно другими – в губернии насчитывалось до 13 бандитских шаек. «Большая часть всех преступлений совершается детьми без приюта, – говорилось в документе, – некоторые из них владеют жаргоном» [11, л. 3].

Несмотря на улучшение экономического положения в стране, проведённое в марте 1925 г. обследование 2640 детей Воронежской губернии показало, что в хороших условиях из них жили только 196 человек (7,4%), в средних – 1821 (70%), остальные 623 (23,6%) испытывали нужду. Нуждающиеся в большинстве были сиротами, имевшими одного из родителей (чаще – мать, как правило, нетрудоспособную или безработную), или же детьми инвалидов. В 1925 г. лишь 3,5% семей рабочих и 22,5% семей служащих региона проживали в относительно сносных жилищно-бытовых условиях, остальные – в «невозможных».

Принцип «открытых дверей», о котором столь критически отзывались воронежские деятели, был рекомендован в качестве метода работы с беспризорными детьми на московском съезде работников социально-правовой охраны несовершеннолетних (СПОН). Учитывая данные рекомендации, в Воронеж расформированию подверглись наблюдательный пункт «Максима Горького» на 30 мальчиков и «Дом Грибоедова» на 25 девочек. Остался лишь один приёмник, общий как для беспризорников, так и для правонарушителей, куда стекались все антисоциальные элементы. Организованный по принципу «открытых дверей», приёмник в скором времени превратился в осиное гнездо детской преступности – «в городе появились детские организации преступников в возрасте от 8 до 14 лет, которые начинали производить кражи не только у частных лиц, но и в государственных предприятиях», что «взрослый преступный элемент весьма умело использовал» [11, л. 3]. Фактически для беспризорников, идущих на преступление, возобладала безнаказанность, поскольку при приёмнике отсутствовал даже изолятор. Сам приёмник обследовавшие его сотрудники губернской прокуратуры нашли в «преотвратительном состоянии. Дети плавают в грязи по коридору и по двору рваные и босые. ...Наблюдения нет никакого» [11, л. 5]. В таком же «кошмарном состоянии» проверяющие нашли ночлежку на 110 мест.

В результате, на одном из заседаний комиссии доктор Гурко выступила с инициативой построить «плавающий дом» для детей по примеру Англии, т.е., по сути, изолировать беспризорников-правонарушителей от внешнего мира и тем самым обезопасить от них общество. Это представляло бы собой закрытое учреждение для трудных подростков интернатского типа со строгим педагогическим режимом. Однако губернский прокурор Нехамкин выступил категорически против, обосновывая это тем, что целая «масса возможностей не использована здесь». Он выступил за новые методы в работе, предлагая реорганизовать деятельность губернской комиссии по борьбе с несовершеннолетними правонарушителями [11, л. 10 об.], резонно со своей стороны заметив, что проблема вовсе не в деньгах или недостатке ограничительных мероприятий, а в отсутствии «организационно-хозяйственной руки» [11, л. 11]. Для Нехамкина «плавающие дома» были сродни новой тюрьме: «Лучше выпустить всех детей на улицу, чем держать их в таких условиях. ...Это зло, которое приносит неисчислимые бедствия, по-

этому, – эмоционально резюмировал прокурор, – этому должен быть положен конец раз и навсегда» [11, л. 12].

В качестве альтернативы Нехамкин, как сторонник принципа открытых дверей, поддержал прозвучавшую ранее идею об учреждении сельскохозяйственной колонии, где воспитывать детей, по его мнению, следовало так, чтобы «лозунг “Даёшь коммуны” был их лозунгом» [11, л. 13 об.]. Под колонию предполагалось отвести участок на 17 версте Задонского шоссе в с. Чертовицком с расчётом на 50 человек. Также было предложено ликвидировать ночлежку, разгрузить приёмник, всех больных немедленно распределить по лечебным заведениям.

Для объективности картины нельзя не отметить имевшие место в середине 1920-х гг. факты злоупотреблений и должностных преступлений среди чиновников младшего и среднего звена. В официальном делопроизводстве отмечалось, что «вследствие халатного отношения административно-хозяйственных лиц за последнее время наблюдается значительное повышение преступности в хозяйственных органах – подлоги, растраты и хищения» [11, л. 3]. Об этом, в частности, свидетельствует письмо С.Е. Прасолова из Валуйского уезда Воронежской губернии, которое он написал М.И. Калинин в апреле 1926 г. Он работал секретарём правления в местной артели инвалидов «Красная звезда» и профуполномоченным Союза советских служащих. В письме он доводил до сведения председателя ЦИК и ДТК информацию о ненормальности работы Валуйской уездной детской комиссии. Из письма мы узнаём, что существующая уже второй год Валуйская УДК с самого начала своей деятельности имеет такие предприятия, как номера для приезжающих, два биллиарда, лото, а также буфет и вешалку в городском народном доме и столовую при полном оборудовании. На 8 января 1926 г., по словам Прасолова, за двумя бывшими председателями УДК А. Бондаренко и М. Алексеевой числится долг перед детской комиссией в размере 873 руб. 93 коп., а также долги за разными лицами 1273 руб. 95 коп. Всего 2147 руб. 37 коп. «Долги на 75% совершенно сомнительные либо лицевые счета по бухгалтерским книгам дебиторов велись неверно, а именно: в большинстве случаев имя, отчество и место жительства дебиторов записывалась только одна фамилия» [1, с. 65]. К тому же сама УДК должна разным лицам и учреждениям 2221 руб. 50 коп., что не позволяет новому председателю приступить к исполнению своих обязанностей. Вполне логично, что новое лицо не хотело отвечать по старым долгам, сделанным другими людьми.

Казалось бы, наличие предприятий, которыми располагала Валуйская УДК, позволяло изыскивать средства и направлять их на улучшение быта беспризорников. К примеру, за один месяц 1926 г. (с 10 января по 10 февраля) чистая прибыль составила 1308 руб. 44 коп. – от биллиарда 316 руб. 13 коп., от лото – 558 руб. 50 коп., от номеров – 20 руб. 22 коп., от вешалки народного дома – 73 руб. 49 коп., от столовой, чайной – 115 руб. 62 коп., от буфета – 331 руб. 43 коп. При этом на беспризорных детей было потрачено всего лишь 31 руб. 39 коп. [1, с. 66]. Остальные вырученные средства направились, видимо, в другом направлении.

К решению проблемы беспризорности наряду с партийно-государственными органами привлекались также общественность и отдельные граждане.

Однако это участие было дозированным и строго контролировалось. В первой половине 1920-х гг. по инициативе «сверху» было создано общество «Друг детей». На деле же создание различных «добровольных» обществ являлось попыткой властей переложить бремя расходов с государственного бюджета на частных лиц и общественные организации. Для многих категорий граждан участие в подобных организациях было обязательным.

В 1924 г. в Воронеже для улучшения положения беспризорных детей в губернии была учреждена общественная организация «Друзья детства» [12, с. 40–43]. По замыслу учредителей, она преследовала цель не столько оказание материальной поддержки детям, сколько решение задачи активного содействия рабочих масс делу борьбы с детской беспризорностью. Предполагалось, что каждая ячейка будет иметь непосредственную связь с одним из детдомов. В результате рабочие, став членами организации, знакомились с жизнью детдомовцев, а рабочий контроль должен был благоприятно сказаться на деятельности детских учреждений [13, л. 9].

Воронежское общество «Друзья детей» приступило к деятельности с 1 января 1925 г. К 25 июля 1925 г. при различных воронежских предприятиях было создано 28 ячеек ОДД, членами которых стали 1115 человек. Всего с января по октябрь 1925 г. было организовано 70 ячеек с общим количеством 3310 человек.

Первоначальной формой деятельности ячеек являлось взаимное членских взносов, сбор добровольных пожертвований. В отдельных случаях ими проводились благотворительные концерты и спектакли в клубах того предприятия, при которых имелись ячейки ОДД. Все полученные таким образом средства ячейки передавали в Правление ОДД, которое в свою очередь отправляло их в кассу губернской детской комиссии на увеличение фонда помощи детям. Помимо этого члены ОДД распространяли билеты Всесоюзной выигрышной денежной лотереи ДТК ВЦИК и благотворительные издания ДТК, участвовали в мероприятиях в ходе проведения двухнедельника помощи беспризорным детям. Общество поддерживало постоянную связь с учреждениями губернских отделов народного образования и охраны здоровья Воронежского Губисполкома с целью проведения в них шефской работы [13, л. 588].

Воронежское общество «Друзья детей», безусловно, внесло свой вклад в общее дело борьбы с беспризорностью. Его деятельность в целом протекала под руководством и контролем ГубДТК. Энергичная деятельность по вовлечению советской общественности в дело оказания помощи детям с материальной стороны была скромной по сравнению с нуждами ГубДТК. Но сам факт вовлечения широкой общественности в решение проблемы детской беспризорности, осознания ею важности решения задачи спасения детей имел положительное значение [12, с. 43].

К концу 1920-х гг. беспризорность на улицах крупных городов постепенно сходила на нет. Этому способствовала огромная работа, проделанная государственными учреждениями и общественными организациями. «Уличная детская беспризорность была в основном ликвидирована к 1931 г., когда осталось наименьшее количество детдомов и воспитанников в них за все годы советской власти, – говорилось в секретной справке Деткомиссии ВЦИК о детской беспризорности. – Так, в 1931 г. остаётся

по РСФСР 1475 детдомов с 105561 воспитанников» [1, с. 176]. Однако наибольший эффект в снижении численности беспризорных детей был связан с ужесточением методов решения проблемы беспризорности за счёт репрессивных мер. Всё большее число беспризорных детей помещалось в трудовые колонии и лагеря для взрослых.

Судьба беспризорников, лишённых семьи, во многом зависела от внимания со стороны общества, но оно оказалось безучастным и жестоким. Беспризорников многие боялись, их ненавидели и сторонились. Даже некоторые дети предлагали «уничтожить беспризорников, а то вечером ходить нельзя». К концу 1920-х гг. подобные настроения стали полностью созвучны планам руководства страны [4, с. 137]. К примеру, в марте 1926 г. Л. Поляков из г. Каменск на Дону в своём обращении в Деткомиссию ВЦИК называл беспризорность «язвой на теле советского организма» и считал её «позором для рабоче-крестьянской страны»: «Особенно много их [беспризорников] видел в Воронеже ночью в вокзале. Их там было больше 100 человек. И среди них много девочек, которые спят вместе с хлопцами прямо на глазах публики на голом полу, обнимаются, вешаются. Я чуть не сошёл с ума от этого кошмара. Почему и откуда они плывут? Ведь прошёл голод, кончились войны, и не должно бы, кажется, их прибавляться. А они все плывут и плывут». Обращение заканчивается призывом к властям принять крутые меры в борьбе с этим социальным пороком.

В 1928 г. была поставлена масштабная задача полной ликвидации детской беспризорности. Как было принято в таких случаях, в срочном порядке был составлен план ликвидации уличной беспризорности; стали «разгружаться» детские дома-распределители; беспризорных детей раздавали в крестьянские семьи, кустарям и в колхозы, совхозы. Для стимулирования людей к тому, чтобы они принимали беспризорных, на каждого приемного ребёнка предоставлялся дополнительный земельный надел, производилось освобождение от уплаты единого налога на три года, давалась возможность бесплатного обучения ребёнка в школе и получения единовременного пособия в 70 руб.

Система воспитания подростков путём их принудительного помещения в общие места заключе-

ния и труддома НКВД к 1930 г. вызвало негативную общественную реакцию, которая привела к тому, что «не только труддома, но и сами подростки, помещённые в них, стали считаться чем-то позорным в нашей действительности, – сообщалось в докладной записке начальника Главного управления мест заключения (ГУМЗ) И.А. Апетера в Деткомиссию при ВЦИК. – Ими никто не хотел заниматься, а в результате эта часть молодняка оказалась вне подросткового законодательства и по системе народного образования, и по системе органов труда» [1, с. 103].

Выводы

Итак, как мы могли убедиться, проблемами беспризорности в РСФСР и СССР занимались партийно-государственные органы и общественные организации. Задача преодоления массовой беспризорности и безнадзорности детей отвечала насущным потребностям советского государства. В результате проводимой политики удалось существенно сократить количество беспризорных детей, но полностью ликвидировать в стране к концу 1920-х гг. это социальное явление не удалось [14, с. 7]. Со стороны государства беспризорность стала восприниматься в качестве преступного деяния, с беспризорниками предпочитали бороться с помощью направления в общие места заключения и в трудовые дома для несовершеннолетних правонарушителей. Именно НКВД с середины 1930-х гг. получает основные полномочия по борьбе с беспризорностью. Происходившие на протяжении 1920-х гг. в Воронежской губернии события в полной мере стали отражением общей государственной политики в области борьбы с беспризорностью. Этой социальной проблемой в губернии занималось семь детских учреждений (детские дома, приёмники-распределители, детский городок, трудовые колонии). Большое внимание с середины 1920-х гг. стали уделять организации труда детей и подростков. В результате проделанной работы в 1930 г. беспризорников в Воронежской губернии насчитывалось относительно немного – 640 человек, что составляло около 2% всего детского населения в возрасте от 5 до 17 лет.

Конфликт интересов

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Библиографический список

1. Дети ГУЛАГа: 1918–1956 / сост.: Виленский С. С., Кокурин А. И., Атамашкина Г. В., Новиченко И. Ю. ; под ред. акад. А. Н. Яковлева. М. : МФД, 2002. 632 с.
2. См., напр., Неверов А. С. Ташкент – город хлебный. М., 1923. 168 с. В повести описывается, как 12-летний крестьянский мальчик из Самарской губернии в условиях жесточайшего голода 1921 г., чтобы спасти от голода маму и трёх братьев, направляется в среднеазиатский город Ташкент, о продуктивном изобилии которого ходило много легенд.
3. Славко А. А. Динамика численности беспризорных детей в России (1920–1940 гг.) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 6.
4. Рожков А. Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 11.
5. Никитин С. А. Как квакеры спасали Россию. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.
6. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 419.
7. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ ВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1279.
8. Струкова Е. Н. Детская беспризорность и пути её преодоления в Воронежской губернии (1918–1921) // Вестник Тамбовского государственного университета. Вып. 6 (98). 2011.
9. ГАВО. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 235.
10. ГАВО. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 83.
11. ГАОПИ ВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 996.
12. Пащенко Н. В. Общество «Друзья детей» в Воронежской губернии в середине 1920-х гг. : история создания, основные направления деятельности // «Берегиня. 777. Сова». 2012. № 3 (14).

13. ГАВО. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 935.

14. Славко А. А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х – начала 1950-х годов : социальный портрет, причины, формы борьбы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2011. 43 с.

References

1. Vilenskij S.S., Kokurin A.I., Atmashkina G.V., Novichenko I.Ju. *Deti GULAGa : 1918–1956* [Children Of The Gulag: 1918-1956]. Moscow, MFD Publ., 2002. 632 p.
2. Neverov A.S. *Tashkent – gorod hlebnyj* [Tashkent – the city of bread]. Moscow, 1923, 168 p.
3. Slavko A.A. Dinamika chislennosti besprizornykh detei v Rossii (1920–1940 gg.) [Dynamics of the number of street children in Russia]. *Izvestiya Samarского nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 2009, vol. 11, no. 6, pp. 160–164.
4. Rozhkov A.Yu. Bor'ba s besprizornost'yu v pervoe sovetskoe desyatiletie [Fighting homelessness in the first Soviet decade]. *Voprosy istorii*, 2000, no. 11, pp. 134–139.
5. Nikitin S.A. *Kak kvakery spasali Rossiyu* [How Quakers saved Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. 408 p.
6. Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti (GAVO). F. 1. Op. 1. D. 419.
7. Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi istorii Voronezhskoi oblasti (GAOPI VO). F. 1. Op. 1. D. 1279.
8. Strukova E.N. Detskaya besprizornost' i puti ee preodoleniya v Voronezhskoi gubernii (1918–1921) [Children's homelessness and ways to overcome it in the Voronezh province]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, vol. 6 (98), pp. 203–207.
9. GAVO. F. R–1. Op. 1. D. 235.
10. GAVO. F. R–1. Op. 1. D. 83.
11. GAOPI VO. F. 1. Op. 1. D. 996.
12. Pashchenko N.V. *Obshchestvo «Druz'ya detei» v Voronezhskoi gubernii v seredine 1920-kh gg. : istoriya sozdaniya, osnovnye napravleniya deyatel'nosti* [Society "Friends of Children" in the Voronezh province in the mid-1920s: history of creation, main activities]. *Bereginya. 777. Sova*, 2012, no. 3 (14), pp. 40–43.
13. GAVO. F. R–1. Op. 1. D. 935.
14. Slavko A.A. *Detskaya besprizornost' i beznadzornost' v Rossii kontsa 1920-kh – nachala 1950-kh godov : sotsial'nyi portret, prichiny, formy bor'by. Avtoref. dis. d-ra ist. nauk* [Children's homelessness and neglect in Russia in the late 1920s – early 1950s: social portrait, reasons, forms of struggle. Dr. ist. sci. diss. abstr.]. Samara, 2011. 43 p.

Поступила в редакцию 05.11.2020

Подписана в печать 07.12.2020

THE EXPERIENCE OF CHILDREN'S HOMELESSNESS PREVENTION IN THE VORONEZH PROVINCE IN THE 1920s

Tatyana V. Filonenko¹, Viktor A. Menzhulin²

*Voronezh State Pedagogical University^{1,2}
Voronezh, Russia*

¹Dr. Histor. Sci., Professor of the Department of Russian History,
tel.: +7 (473) 2550667, e-mail: Filonenkov@gmail.ru

²Postgraduate Student of the Department of Russian History,
e-mail: 10051982@mail.ru

Abstract. The article examines the history of the children's homelessness prevention in the Voronezh province, which took on alarming proportions for the young Soviet state. The 1920s were marked by the struggle against child homelessness and the resulting social side effects. The campaign for the elimination of homelessness acquired a political connotation, which is why the emphasis had been placed on state patronage and, to a lesser extent, on public initiative, as well as the consciousness of individual citizens. In the corridors of power and at various congresses, discussions were held about methods of working with teenagers left without adult care, as a result of which numerous specialized institutions were called into existence – reception centers, night shelters, orphanages, labor colonies. The permanent and acute nature of the problem required drastic measures on the part of the authorities. As a result of the implemented measures, it was possible to significantly reduce the degree of social tension in society, although it was not possible to completely eradicate this phenomenon.

Key words: homelessness, child neglect, Soviet Russia, civil war, juvenile delinquency, patronage, orphanage, labor colony.

Cite as: Filonenko T.V., Menzhulin V.A. The experience of children's homelessness prevention in the Voronezh province in the 1920s. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia Voronezh State Pedagogical University], 2020, no. 4, pp. 147–152. (in Russian). DOI 10.47438/2309-7078_2020_4_147.

Received 05.11.2020

Accepted 07.12.2020